

лив³. Значит, можно быть уверенным, что вопрос о ремонте всякой старой или, тем паче, о возведении новой крепости решался на высоком уровне с учетом военно-политической конъюнктуры и необходимости экономить. Коль скоро это так, то отсутствие какого-либо названия в списках Прокопия свидетельствует о том, что данный участок границы считался спокойным в сорокалетний период с 518 (год вступления на престол Юстина I, дяди Юстиниана: Прокопий уверяет читателя, что строительство при Юстине вел его племянник⁴) по 558 г. Мы вовсе не считаем, что в сочинении «О постройках» нет пропусков, ошибок и неясностей; к нему, как и к любому другому источнику, следует подходить критически — ниже мы не раз будем указывать на неточности в рассказе Прокопия. Но при этом должна соблюдаться своего рода «презумпция невиновности»: мы будем отдавать предпочтение Прокопию перед любыми, сколь угодно остроумными гипотезами до тех пор, пока не будет несомненных доказательств ошибки историка. Соображения о том, что Юстиниан якобы не мог не восстановить ту или иную крепость, в расчет приниматься не будут.

Можно ли в принципе полагаться на панегирик как источник? Дело в том, что трактат «О постройках» кажется плодом придворной лести только на очень поверхностный взгляд. Прокопий тайно ненавидел того, кого взялся превознести, и его сочинение скрывает в себе множество улик этой ненависти⁵. Вряд ли поэтому можно опасаться, что историк пошел на сознательную фальсификацию, преувеличивая число воздвигнутых крепостей. Конечно, сам Прокопий мог быть введен в заблуждение, пользуясь документами, уже содержащими долю очковтирательства, но это совсем другое дело: воздушные замки Юстиниана могли так и не воплотиться в камне (о чем сам император, вероятно, и не догадывался) — для нас сейчас интересно лишь то, что, воплощенные на бумаге, они донесли до нас византийскую стратегическую доктрину.

Мы попытаемся представить Дунайский лимес не как однородный континуум, непрерывный как в пространстве побережья Дуная, так и во времени I—VI вв. н. э., но как сложную, динамическую систему, гибко реагировавшую на внешне- и даже внутривизантийские изменения. Мы работали в такой последовательности: на карте Нижнедунайского правобережья были отмечены все крепости, фигурирующие в источниках II—VI вв.; потом мы нанесли на ту же карту те оборонные сооружения, остатки которых были обнаружены археологами, но которые не отождествляются по имеющимся у нас письменным источникам; наконец, на третьем этапе работы мы наложили на полученную карту фортификации, упоминаемые Прокопием. В результате получились два множества, в значительной мере пересекающиеся, но отнюдь не совпадающие. Это несовпадение и будет материалом для построения динамики византийской границы на Дунае. Какие участки лимеса Константинополь считал наиболее угрожаемыми? Ответ на этот вопрос важен не только для истории военного искусства в Византии — его решение даст куда больше для изучения тех, против кого, собственно, и укреплялась граница, — «варваров», и в первую очередь древних славян. Прокопий прямо пишет, что фортификационная активность проявлялась «в соответствии с соседством реки Истр (Дунай) и с тем, что обязательно следовало предпринять из-за варваров, нападающих на (нашу) территорию с той стороны (реки)»⁶. О том, что делалось в первой половине VI в. к северу от Дуная, известно очень мало — в этой ситуации подробная картина границы будет для нас как бы формой,

³ Gordon C. Procopius and Justinian's financial policies. — The Phoenix, 1959, 13, N 1, p. 23—28.

⁴ Procopii Caesariensis De Aedificiis libri VI. Lipsiae, 1964 (далее: Ae.), 1, 3, 3; 4, 29. Вопрос о том, не включены ли в трактат также постройки императора Анастасия (491—518), будет затронут ниже.

⁵ Rubin B. Op. cit., S. 174—177; Gantar V. Der betrogene Justinian. — BZ, 1963, 56, 1, S. 4—5.

⁶ Ae., p. 103. 4—6.